

Моляко В. А. (г. Киев)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ АВАРИИ

Длительное время понятие экологии носило для большинства людей достаточно отвлеченный характер. Даже уже сравнительно давние предупреждения ученых о возможном экологическом кризисе не становились достоянием массового сознания. В последние 5-10 лет положение стало меняться, и есть все основания полагать, что одной из наиболее впечатляющих причин этого явилась Чернобыльская атомная катастрофа (ЧАК), масштабы биологического и психологического воздействия которой пока еще даже трудно определить. Без всякого преувеличения можно сказать, что 26 апреля 1986 года стало датой, отмечающей начало новой экологической эры, и лишь объединенный человеческий разум и преобразующая воля могут спасти мир от чудовищных последствий атомно-химических накоплений, ставших, к сожалению, спутниками научно-технического прогресса. Активизация поиска выхода из создавшегося положения немислима без целенаправленного формирования экологического мышления, способного давать адекватные решения проблем, обусловленных «обычными» и катастрофическими последствиями неразумного и безответственного поведения «покорителя природы».

В связи с этим представляется целесообразным осуществить хотя бы общий анализ становления образа ЧАК (Ч-образа для краткости) как важного компонента современного экологического мышления и регулятора поведения людей в различных регионах. Здесь используются данные, полученные нами в период с 1986 по 1991 год в Киевской, Житомирской, Львовской, Запорожской, Тернопольской областях, Ленинграде, Москве, но, прежде всего – в Киеве, а также материалы печати. Эти данные получены на основе бесед, самонаблюдений (нами проанализировано более 30 самонаблюдений, сделанных по нашей просьбе), комбинации наблюдения и беседы и др. Продолжающимся исследованием охвачено на данный момент свыше 1500 человек (школьники, студенты, взрослые различного возраста и специальностей). В настоящей статье представлены результаты анализа, связанного с тремя поставленными задачами: 1) изучить общую структуру образа ЧАК; 2) осуществить анализ динамики становления Ч-образа у школьников и взрослых; 3) проанализировать регуляторную роль Ч-образа в поведении людей, подвергшихся прямому и косвенному воздействию ЧАК.

ОБЩАЯ СТРУКТУРА Ч-ОБРАЗА

Как это нетрудно понять, в данном случае мы будем анализировать лишь образы, сформировавшиеся у лиц, непосредственно не связанных с аварией, ликвидацией ее последствий в самом Чернобыле, – это специальный вопрос, и его мы будем касаться лишь в некоторых деталях. Естественно, что у работников АЭС, пожарников, ликвидаторов, специалистов по атомной энергетике формировались совершенно специфические образы

экологической катастрофы (см., например, [3; 4; 7]), связанные с непосредственно наблюдаемыми картинами, ощущениями, обусловленными дозами радиоактивного облучения, и теми знаниями, которыми некоторые из них обладали и которые позволяли им достаточно адекватно оценить и произошедшее, и его возможные последствия.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных проявлений Ч-образа, необходимо хотя бы кратко выяснить, каковы экологические представления у исследуемых нами контингентов. Для этого нами задавался всего лишь один вопрос: «Какова, по Вашему мнению, экологическая картина современного мира?».

Ответы распределились следующим образом (все три выборки случайные, из различных регионов): школьники – плохая, очень плохая (37%), нормальная (14%), хорошая (8%), не знаю, трудно сказать (41%); студенты – плохая, очень плохая (56%), нормальная (8%), хорошая (3%), не знаю, трудно сказать (33%); взрослые – плохая, очень плохая (63%), нормальная (9%), хорошая (6%), не знаю, трудно сказать (22%).

Наиболее критично оценивают экологическую обстановку студенты, что объясняется главным образом их лучшей информированностью, начитанностью, тем, что они более заинтересованно относятся к этим проблемам вообще и в связи со своими специализациями. Среди взрослых наиболее благодушно настроены лица в возрасте 30-45 лет, моложе и старше – более пессимистичны.

У школьников – большой разброс мнений, туманность представлений, достаточно высокая беспечность (хотя и не преобладающая).

А вот наиболее типичные конкретные представления об экологии:

1) пессимистическое – «земля насквозь пропитана ядохимикатами, радиацией, в воздухе дым и радиоактивная пыль, недостаток кислорода, вода отравлена, продукты тоже, положение безнадежное» (инженер, 42 года);

2) оптимистическое – «нужно сбавить темпы загрязнения, у нас огромные просторы, все быстро восстановится» (служащая, 39 лет);

3) нейтральное – «все как всегда, ничего особенного; трудно говорить конкретно: каждый рисует по-своему, где хуже, а где – лучше».

Часто выясняется, что очень многих совершенно не интересуют вопросы экологии: одни о них даже не слышали, другие – все приписывают журналистам и ученым, третьи считают, что есть вещи и поважнее, чем экология (пища, работа, дети – и это не соотносится с экологией). Очень многие буквально повторяют газетные и радиовещательные штампы («природа в опасности», «стремительное загрязнение среды», «озоновая дыра»). Лишь небольшое число опрошиваемых может достаточно самостоятельно и явно заинтересованно прокомментировать экологическую обстановку (врачи, студенты, учителя, некоторые инженеры). Больше половины школьников совершенно неадекватно оценивают экологические проблемы.

Однако уже переход к вопросу о Чернобыле резко меняет картину (особенно в близрасположенных регионах). На вопрос «Как Вы оцениваете последствия Чернобыльской аварии для окружающей среды?» – были получены следующие ответы (они также приводятся по случайным выборкам: в группы входят представители разных регионов): школьники – плохо, очень плохо (69%), без особых последствий (16%), трудно сказать (15%); студенты – плохо, очень плохо (82%), без особых последствий (8%),

трудно сказать (10%); взрослые – плохо, очень плохо (76%), без особых последствий (11%), трудно сказать (13%).

Ни один из опрошенных не сказал, что ЧАК привнесла хоть что-нибудь положительное в окружающую среду. Характерно, что чем ближе к эпицентру события, тем более отрицательными и максималистскими были оценки.

Переходя к анализу общей структуры Ч-образа, необходимо отметить, что речь идет о широком диапазоне структур, обусловленном и конкретными представлениями, и жизненным опытом, и осведомленностью о случившемся, об особенностях проявления радиации.

Оказалось возможным установить, что основные “подпитывающие” источники становления и функционирования Ч-образа – это, во-первых, знания о самой ЧАК, во-вторых, знания и представления о радиации (Хиросима, сведения по гражданской обороне, ситуативные знания, полученные по разным каналам), в-третьих, местонахождение конкретного человека и его близких, в-четвертых, возможность питаться чистыми продуктами, в-пятых, возможность уехать из зоны, достаточно близкой к ЧАЭС (последние два фактора касаются, естественно, прежде всего, тех, кто географически близок к зоне ЧАЭС или оказался в загрязненном районе). В соответствии с этими факторами формируются и образы у конкретных людей; мы выделили пять основных доминирующих типов Ч-образов (названия образов даются как рабочие).

1. Образ взрыва – преимущественно зрительный и больше всего ассоциирующийся с взрывом атомной бомбы (так примерно большинство его и объясняли); в его основе представление об АЭС как о сооружении, взлетающем в воздух, о появлении огромного воздушного гриба (форма гриба представляется по-разному: от классического гриба-взрыва от атомной бомбы до перевернутого конуса, столба, бесформенного облака), долгое время растущего над АЭС, хотя верхние части его все время отрываются и разлетаются в разных направлениях в виде туч. Здесь присутствуют и огонь, и дым, и пыль, и обломки, которые в виде малых частиц улетают достаточно далеко. Такой образ как доминирующий наиболее характерен для школьников.

2. Апокалиптический образ – как образ конца света. Также по преимуществу зрительный, но это образ-панорама, отражающий разнообразные картины, взрыв, пожар, радиоактивное облако, тушение пожара, мечущиеся фигурки пожарников, работников АЭС, ликвидаторов, обожженные и смертельно облученные люди, трупы, разрушения, люди в противогазах и респираторах, бегущие толпы, паника, крики, матери с детьми на руках, брошенные города и села, мечущиеся животные и многое другое, как оно было описано в газетах, показано по телевидению, рассказано очевидцами. Это в отличие от монообраза-взрыва – полиобраз. Он, например, для одного из киевлян отразился в картине эвакуации школьников во второй половине мая 1986 года и таковым для него остался до самого последнего времени: «Вереница автобусов, толпы детей, плачущие взрослые, сопровождающие милицейские машины». Для некоторых взрослых это картины, буквально воспроизводящие руины Хиросимы, хотя таковых, как известно, в Чернобыле и в других местах не было; в данном случае Ч-образ представляет собой реконструкцию, преобразование другого образа – образа японского города, погибшего от атомной бомбардировки. Отдельные

опрашиваемые (преимущественно люди старшего поколения) представляют себе все в виде «атомной войны», «рвущихся атомных бомб», «взрыва водородной бомбы огромной силы», и все это широкоформатно: с картинками городов, сел, полей, гибнущих людей.

3. Географический образ – буквально образ, отражающий расстояние до Чернобыля; в нем сочетаются зрительные и схематические (топографические), понятийные представления о конкретном месте жительства и его удаленности от места взрыва. Эта его доминантность отражена в типичном рассуждении киевлянина: «Я все время как бы вымеряю расстояние от Киева, моего района в Киеве, до места взрыва. Мысленно отмеряю эти примерно сто километров – напрямую, не по дороге. И перевожу эти километры в возможность «подгона» ветрами радиации сюда, к нам. Знаете, вот как будто стрелу такую протянул или длиннющую рулетку и прикидываю: достанет до нас или нет». Это образ своего рода радиационной географии, он очень показателен для оценок ЧАК в целом. Так, например, ленинградцы говорили, что «хотя Чернобыль и далеко, но первые тучи шли-то через нас, в Скандинавию» (это не совсем точно, но именно таковы их представления); а москвичи с облегчением констатировали: «Слава Богу, сюда не пошло; мы оказались далеко и в стороне»; в то же время жители Юго-Восточного региона Украины (Запорожская область) довольно часто настаивали, что «Чернобыль прошел через нас», «здесь тоже выпало». Вообще говоря, на Украине почти все были склонны считать, что Чернобыль достал и до них (Одесская, Николаевская, Херсонская, Черкасская и многие другие области). К сожалению, более поздними сведениями это во многом подтвердилось.

4. Более индивидуализированный, чем предыдущие, образ употребляемых в пищу продуктов, воды (он включает вкусовые ощущения, зрительные представления, понятия о зараженности продуктов или их чистоте). В нем находят отражение общие и конкретные сведения о зараженности овощей, фруктов, молока, мяса и их производных. Практически стал одним из доминирующих уже в мае 1986 года (в частности, для жителей Киева). Было бы большой ошибкой считать, что роль этого образа в чем-то вторична, об этом свидетельствуют многочисленные высказывания («Конечно, главное для нас, находящихся сравнительно далеко от зоны, это питание и питье; основная радиация может попадать в нас только через пищу»). С функционированием этого образа связано очень многое в общем, режиме питания, сохранении здоровья, развитии «чернобыльского синдрома» в целом.

5. Образ финансовой независимости – названный нами несколько условно и коротко, ибо здесь речь идет не только о финансовой независимости. Скорее здесь можно говорить об образе личной свободы, так как в нем находят отражение представления конкретного человека о возможности уехать вообще, возможности уезжать, когда захочется (или, по крайней мере, для отдыха), если он один, или о возможности обеспечить себя и своих близких; это связано и с профессией, и с заработком, с возможностью устроиться на работу в других местах. В последнее время многие мечтают о загранице, представляя ее себе как “зону спасения от Чернобыля”.

Таковы основные типы доминирующих Ч-образов, составляющих в целом единый интегральный Ч-образ. Говоря о нем, мы должны начать с

утверждения, что для подавляющего числа людей основу Ч-образа все же составляют не эти доминанты, а доминанта страха, боязни, прежде всего онкологического заболевания от воздействия радиации на самого себя, детей, близких. Именно этот «образ страха» довлеет над людьми, деформирует их сознание, поведение, всю их жизнь.

На наш вопрос: «Что наиболее опасно, по вашему мнению, как последствие Чернобыльской аварии?» – подавляющее большинство ответов указывает именно на возможность заболевания от радиации (69% взрослых, 74% студентов, 51% школьников); некоторые ответившие, правда, сначала называли именно радиацию, но после уточняющих вопросов выяснялось, что имеется в виду опасность заболевания от последствий радиации.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ Ч-ОБРАЗА

Проследить достаточно подробно динамические особенности развития Ч-образа у опрашиваемых было, понятно, чрезвычайно трудно. Большинство из них опрашивалось лишь один раз, и ретроспективные возможности воссоздания впечатлений у каждого из них были весьма различны; своего рода помехами были новейшие наслоения информации, получаемой по различным каналам. У многих «Ч-образ» вообще проявляется достаточно смутно, неочерченно, как расплывчатый конгломерат представлений и полуосознаваемых ощущений, чаще всего активизируемых лишь при воздействии тех или иных катализаторов (передача о Чернобыле по радио, телевидению, новая заметка в газете, чей-то рассказ, сама наша беседа). Поэтому мы строим наш анализ главным образом на свидетельствах тех киевлян, общение с которыми осуществляется все время после Чернобыльской аварии (среди них учителя, врачи, научные работники, инженеры). В других случаях мы осуществляем анализ на основании срезов (тем более, что старшеклассники и студенты 1986 года за это время перестали быть таковыми); нами взяты периоды 1986-87 и 1989-90 гг.

Прежде чем перейти к рассмотрению общей схемы развития Ч-образа в течение пяти лет, отметим два обстоятельства.

Удалось установить, что можно выделить три категории, которые характеризуют степень эволюции образа, сформировавшегося в период с мая по декабрь 1986 года (наиболее острый период адаптации к случившемуся), а именно весьма существенная трансформация, эпизодическая трансформация, практическое отсутствие трансформации первично сформировавшегося образа.

Нами выделено три типа Ч-образа: интегральный образ Чернобыльской катастрофы и ее последствий как многоплановая концептуальная экологическая система, включающая разнообразные составляющие (см. изложенное выше); инвариантный образ – несколько упрощенный по сравнению с предыдущим, включающий наиболее существенные для данного субъекта составляющие, доминирующие над другими; ситуативный образ (в определенной мере аналог оперативного образа) – возникающий или актуализирующийся в зависимости от характера и интенсивности конкретного раздражителя и являющийся своеобразным ответом на этот раздражитель; в нем именно и отражена чаще всего сиюминутная доминантность Ч-образа.

С учетом приведенных особенностей трансформации и типов Ч-образа попробуем представить динамику его развития. В целом получается следующая картина.

1. Развитие любого образа связано на первых этапах его становления с наличием у субъекта определенной системы эталонов, опорных образов, представлений, понятий [2; 6; 8]. В этом смысле образ экологической катастрофы у большинства жителей Украины, насколько можно судить, был достаточно смутным. Скорее всего, у многих было не вполне осознанное представление о возможных последствиях необдуманного внедрения результатов научно-технического прогресса, строительства множества крупных заводов, военных объектов, АЭС и др. Но если учесть, что информированность населения о последствиях работы этих объектов, о возможных авариях на АЭС практически была чрезвычайно малой или отсутствовала вовсе, то понятно, что у подавляющего большинства не было сколько-нибудь конкретных образов-эталонов; в лучшем случае могли быть размытые представления – очень смутные, заложенные в виде обрывочных знаний о вреде, причиняемом человеком природе и возможном ответе на это природы. В тот период еще мало кто говорил и думал о нитратах в продуктах, зараженности воды, воздуха (кроме, конечно, тех, кто жил в явно экологически неблагоприятных местах, например в Запорожье, Днепропетровске).

Многочисленные данные свидетельствуют о совершенно идилическом представлении об АЭС. Школьники, например, представляли их себе как своего рода едва ли не сказочные “фабрики энергии из ничего”, где люди в белых халатах сидят и нажимают на кнопки, в результате чего по проводам бежит электричество. Более того, такие представления преобладали и у некоторых взрослых. Именно поэтому Чернобыль был шоком или попросту необъяснимым явлением для большинства. Он взорвался на фоне неподготовленного сознания, практически лишенного информационных структур для сравнения и быстрого адекватного понимания случившегося.

2. Сама ЧАК явилась носителем информации, необходимой для понимания огромного экологического бедствия. Освещение ЧАК в средствах массовой информации и поступление сведений из самых различных источников послужили основанием для формирования первоначальных структур конкретного представления об аварии.

На этом этапе эволюции Ч-образа наблюдается его развитие как формы понимания происшедшего, и именно как развитие понимания можно интерпретировать динамику представлений каждого, кого это событие коснулось более или менее серьезно.

Конечно, степень неготовности к оценке аварии была у всех различной. Военные специалисты, атомщики, некоторые биологи, врачи могли уже сразу выработать у себя достаточно адекватное понимание ЧАК; тем более это могли сделать специалисты, находившиеся на самой станции или поблизости [7; 12]. У большинства же понимание развивалось иначе. Наиболее характерны два пути.

Первый – дозированное посвящение в сущность происшедшего, начиная от первого, очень краткого сообщения об аварии на Чернобыльской АЭС, продолжавшееся в виде сообщений о развитии событий (в печати, по телевидению); это путь официально предопределенного понимания,

реализуемый главным образом в диапазоне тех сведений, которые можно было почерпнуть именно из официальных источников.

Второй – нерегулируемое, стихийное знакомство с рассказами об аварии, которые в изобилии циркулировали в тот период. И первый, и второй пути существовали автономно, иногда пересекаясь в различных комбинациях. Вариант, которого придерживался (или вынужден был придерживаться) каждый субъект, был обусловлен его предпочтениями и конкретными возможностями (местонахождением, наличием радио).

И для первого, и для второго пути было характерно движение от понятия об аварии или от ее зрительного образа: в первом случае в основе находилось более абстрактное представление, во втором – конкретизированное.

Для того чтобы у субъекта могло сложиться более адекватное представление о ЧАК, ему нужно было восполнить недостаток исходной и текущей информации об АЭС, особенностях их работы, местонахождении, размерах аварии, механических и радиационных ее характеристиках. По мере поступления такой информации у людей складывались соответствующие образы-ориентиры, в которых такого рода информация находила свое конкретное выражение. Вот пример. П. (инженер): «Представления об авариях связаны чаще всего с разрушениями: обвалившимися перекрытиями, стенами, дымом, битым стеклом и пр. Так и я думал о ЧАЭС, хотя до этого, не помню, видел ли где-либо ее фотографию. Потом фото появились, и я смог представить аварию по внешним проявлениям ...».

3. Образы-ориентиры являются своего рода аккумуляторами той информации, которая затем поступает и соответствующим образом фильтруется, закрепляется, нанизывается на образ-ориентир. Как это могло осуществляться в реальности, свидетельствует К. Щербак: «...патриархальный, древний город с его золотыми куполами соборов, хранящих память веков, за каких-то полмесяца всего преобразился непостижимо, прочно соединившись с обликом новой, атомной эпохи. Из звонкой метафоры, все повторяемой нами до аварии, это словосочетание («атомная эпоха») превратилось в суровую действительность: слова «дозиметрический контроль», «радиация», «дезактивация», все эти «миллирентгены», «бэры», «рады» и тому подобное прочно вошли в лексикон киевлян, а фигура человека в комбинезоне с респиратором на лице и счетчиком Гейгера в руках замелькала всюду, стала привычной, ровно, как и скопища автомобилей перед въездами в Киев: на всех КП был введен дозиметрический контроль машин... И как всегда бывает, непонятную жизнь взрослых стали копировать дети. И вот на Русановке мне уже довелось увидеть, как дети с палочкой в руках бегают по кустам, словно дозиметром измеряя фон. Играют в радиацию. А одна девочка, закутавшись в простыню, ходила по подъезду дома и, сделав «страшные» глаза, говорила загробным голосом: «У-у, я радиация, прячьтесь все от меня. Я злая и страшная...» [14; 35].

У взрослых и у детей, как видим, создавались вполне конкретные представления о ЧАК, и постепенно формировался у каждого свой конкретный доминантный, ведущий образ в виде одного из тех доминантных образов, которые мы описали выше. Такого рода доминантные образы в большинстве своем, как свидетельствуют рассказы опрошенных, сложились в течение мая – июня 1986 года и дозревали в основном до конца того же

года, претерпевая, по сути, не столь значительные изменения в течение примерно четырех лет, что было связано и с определенной адаптацией людей к происшедшему, и с отвлечениями на другие жизненные и житейские проблемы.

В этот период в сознании большинства функционировали такого рода доминантные образы, которые условно можно было бы назвать локальными «Ч-образами», имея в виду, что почти у каждого человека его представление о катастрофе и ее последствиях ограничивалось, так сказать, диапазоном ближайшего окружения – конкретным местом жительства, родными, близкими.

В течение 1990 г. и в начале 1991 г. произошли определенные изменения. Этому способствовали, прежде всего, все те события, которые были связаны с определенным рассекречиванием сведений об истинных масштабах ЧАК, с многочисленными официальными заявлениями, созданием комитетов, обращениями в ЮНЕСКО, ООН, со сведениями о росте заболеваемости, реакцией (ее новой волной) на последствия ЧАК за рубежом (см., например, [5; 10; 13]). Начинает формироваться Ч-образ как представление о всемирной, глобальной катастрофе у одних, как представление о всеукраинской, всебелорусской национальной трагедии с колоссальными потерями, долговременными тяжелыми последствиями у других.

Формируется панорамный, широкоплановый, глобальный образ экологической катастрофы, который достаточно точно и типично отражен, например, следующими рассуждениями: «Все, что мы узнали в последнее время, показывает, насколько положение трагично. Смотрите, Украина занимает первое место в мире по детской смертности и по онкозаболеваниям, это я сам недавно прочел. У нас не хватает продуктов для полноценного питания, а чистых, свободных от радионуклидов – тем более. К тому же добавьте: нитраты, отравленная радиацией вода. В большинстве городов Украины воздух ядовит. Азовское и Черное моря на грани гибели. И это на фоне бесконечной экономической и политической перестройки, резкого снижения благосостояния большинства... Тут можно уповать только на Бога!» (научный сотрудник, 49 лет).

Приходится констатировать широкое распространение Ч-образов как именно образов глобальной, масштабной экологической катастрофы, грозящей и тем, кто находится в непосредственной близости от Чернобыля, и многим, очень многим другим.

Сейчас трудно сказать, насколько может трансформироваться Ч-образ в ближайшем будущем. Скорее всего, его основная структура уже сформировалась и в ней возможна (да и то, пожалуй, незначительная) динамика отдельных компонентов, например связанных с дальнейшей судьбой ЧАЭС, саркофага, но, прежде всего, конечно, с воздействием радиации.

Но, независимо от тех или иных элементов развития Ч-образа, уже сейчас можно утверждать, что он стал одним из определяющих факторов в жизни многих людей и оказывает очень серьезное влияние на повседневную жизнь, поведение, формирование ближайших и отдаленных планов, выбор местожительства и многое другое.

РЕГУЛЯТОРНАЯ РОЛЬ Ч-ОБРАЗА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Изучение регуляторной роли Ч-образа (здесь мы пытаемся лишь обозначить некоторые ее аспекты) потребует специальных исследований. Попробуем выделить ряд моментов, которые, как представляется, наиболее существенно связаны с этой проблемой.

Можно выделить, по меньшей мере, три уровня функционирования Ч-образа, определенным образом предопределяющие принятие решений, поведение в обыденной и профессиональной жизни: конкретные повседневные ситуации, принятие решений на относительно длительные периоды, определение судьбы, когда принимаются решения, влияющие на смену места проживания, профессии, кардинальные решения о судьбе родных и близких. Содержание многочисленных публикаций, проведенные опросы достаточно убедительно показывают, насколько существенно влияли и продолжают влиять представления об опасности последствий ЧАК на поведение людей (см., например, [3; 7; 12; 13]). Рассмотрим это на конкретных примерах.

Конкретные ситуации. Что касается самой аварии, то наиболее показательными являются, естественно, свидетельства ее очевидцев, жителей близлежащих территорий, ликвидаторов последствий. Так, скажем, достаточно подробно описаны картины эвакуации из зоны ЧАЭС известной с того времени журналисткой и поэтессой Л. А. Ковалевской [4]; воссоздание картины аварии и последующих событий на станции описаны Г. Медведевым [7], многими другими участниками и свидетелями послеаварийных событий [12; 14]. Такого рода описания показывают, что ситуации в прилегающих к ЧАЭС районах в первые дни после аварии были близки к ситуациям военного времени (крайне опасная и неопределенная обстановка, вспышки паники и пр.). В таких условиях и поведение было соответствующим: очень мало времени было на раздумья, действовать приходилось быстро.

Фактически мало, чем отличалось поведение людей и в других, менее близких к ЧАЭС районах, скажем, в Киеве. Вот что рассказывают киевляне о том периоде: “Слухи, информация без информации, сильное ежечасное нервное напряжение, отсутствие указаний и решений на авторитетном уровне – все это ужасно деморализует. Временами у меня бывает дикое, никогда еще в жизни не испытанное состояние: я безмолвно мучаюсь от злобы, чуть не плачу, еле сдерживаюсь от чувства собственного бессилия, от жалости к сыну, от страха за него. Возникают приступы страшной озлобленности, убийственной злости на газеты, ТВ, на тех, кто допустил аварию, на тех, кто должен принимать решения... Эти чувства приходится держать в себе, не показывать их родным, чтобы не подрывать в них и так слабую надежду на то, что все вокруг, может быть, не так страшно, как видится” [11; 212].

Это свидетельство того общего фона, каким он был в Киеве в первые недели 1986 года, и того, как конкретно люди переживали события, связанные с ЧАК. Мой собственный опыт и опыт ближайшего окружения подтверждает полную достоверность подобных свидетельств. А в общем можно сказать, что Ч-образ в подобных ситуациях способствовал принятию импульсивных решений, смене настроения, чередованию повышенной активности и пассивности на протяжении коротких промежутков времени.

ДОМИНАНТНОСТЬ Ч-ОБРАЗА

Вслед за периодом быстро сменяющихся ситуаций, обусловленных, естественно, и самой аварией, и неясностью с судьбой реактора, с начавшимися работами по ликвидации последствий ЧАК, наступил период относительной стабилизации положения, когда для большинства если и не пришла уверенность в том, что все самое страшное позади, то, по крайней мере, появились знания о том, что проводятся действия по ликвидации последствий, принимаются на первый взгляд масштабные решения о переселении жителей близлежащих к ЧАЭС зон и т. д. Все это способствовало формированию интегрального Ч-образа как суммы представлений об аварии, ее последствиях, необходимых действиях, защитных мерах и пр. Другими словами, Чернобыль входил в нашу жизнь основательно и, судя по всему, надолго. Поэтому и решения на основании Ч-образа начинали принимать характер долговременных. Жители Киева должны были сами решить, как им поступать: где провести отпуск, как устроить детей, близких, как питаться, как лечиться (в случае обычных заболеваний – например, простуды, и в смысле выведения радионуклидов). Фактически для миллионов людей (в одном Киеве около трех миллионов) жизнь изменилась, причем стало очевидно, насколько многое зависит от быта, о котором в более спокойные времена мало кто особенно и думал. Теперь же буквально на каждом шагу, соблюдая элементарные правила дезактивации, нужно было продумывать свое поведение. Так, скажем, проблема пыли стала одной из самых существенных: “У меня так просто появилась своего рода мания – я все время вытирала пыль, пылесосила, стирала, заставляла домашних принимать душ” (Н. К., 45 лет, работник радио).

Большинство людей внешне стали несоизмеримо более озабоченными, чем они были еще недавно, перед аварией. Конечно, в каждом отдельном случае в их реакциях сказывались индивидуальные особенности, их знания о реальных последствиях аварии, их информированность. По нашим наблюдениям, их можно было разделить в то время на три основные группы: активно реагирующие на события вокруг ЧАК и соответственно принимающие решения по корректировке своего образа жизни; переживающие ЧАК периодически, т. е. то больше реагируя на нее, то меньше и, соответственно, то, внося коррективы в свой образ жизни, то, забывая о них; воспринимающие ЧАК нейтрально и пассивно реагирующие на нее, не меняющие ничего в своей жизни или же впадающие в депрессию.

Находясь под давлением пресса Ч-образов, люди искали выход из положения своими средствами, не надеясь на постороннюю помощь. Если эта помощь как-то была организована в самом опасном по официальным данным районе, то в Киеве, скажем, все выглядело более хаотично, во всяком случае, для всех рядовых жителей. И они вели себя по-разному: “Для некоторых разрядка от нервного напряжения выливалась в разгул страстей. Опять загудели рестораны, зашумели вечеринки в холостяцких квартирах. Расхожими стали выражения типа: живем всего раз и помирать – так с музыкой” [11; 214]. Это эмоциональный тип реагирования. Другой тип – рациональный. “У нас собралась группа разных людей. Это были инженеры, ученые, практики разного профиля. Человек десять. Мы решили проанализировать возможности спасения от радиации. Идеи были самые разные, начиная от попыток приспособить йогу и другие восточные техники тренинга для выведения радиации из организма и кончая проектами

устройств для сбора радиоактивных частиц и их транспортировки” (С. В., инженер).

В последующие месяцы и годы наблюдается дальнейшее разделение на типы людей по их общей реакции на ЧАК.

Ч-ОБРАЗ КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕГО СТИЛЯ ЖИЗНИ

Прошло без малого пять лет с момента страшной катастрофы. В конце 1990 – начале 1991 года мы специально проанализировали отношение к ЧАК среди различных контингентов киевлян. Вот типичные реакции.

У школьников (преимущественно старшеклассников) преобладают два мнения: “это все уже позади” (39%) и “как-нибудь обойдется” (38%); ничего не сказали по этому поводу 23%.

У студентов (IV и V курсы) преобладали мнения о тяжелых последствиях ЧАК (32%), исчезнувшей опасности (27%), тревожность неопределенного оттенка (21%); равнодушными оказались около 20%.

Среди профессиональных работников реакции были примерно такими же, как и среди студентов: ожидание тяжелых последствий – 34%; ощущение достаточно серьезных последствий – 31%, относительное спокойствие – 22%, равнодушные – 13%.

Здесь следует иметь в виду, что проводилась не беседа, а очень краткий опрос (задавался всего один вопрос: “Что вы думаете о Чернобыльской катастрофе сейчас?”), поэтому приведенные цифры отражают лишь общую тенденцию. При более подробном опросе, как правило, выяснилось, что подавляющее большинство настроено сугубо пессимистически, тревожно. Но в целом, лишь небольшое число опрошиваемых (в среднем около 10-15%) сохраняют доминирующую озабоченность последствиями ЧАК, то есть такого рода погруженность в проблему, что она диктует их образ жизни постоянно, как, например, это видно в очень характерном рассуждении биолога Т. С., “Думаю, что здесь двух мнений быть не может: ничего практически не изменилось – радиация не исчезла. И мы ее продолжаем поглощать в неизвестных количествах. Судя по тому, как все делается, у большинства из нас нет никакой надежды на самый оптимальный выход из положения. У меня вызывает отвращение, омерзение все то, или почти все, что продолжают говорить о Чернобыле. Многие сейчас делают себе имя на Чернобыле – выступают, ездят за границу, дают интервью, красуются перед телеобъективами. Грустно все это! В то время, когда сотни тысяч, а скорее миллионы людей, обречены на гибель, кто-то продолжает рассуждать. А каждый день умирают люди. Умирают уже от последствий облучения, от систематического употребления радиоактивной пищи”.

Часто встречаются мнения о необходимости переезда, эмиграции, поскольку “здесь мы никому не нужны”.

Нужно отметить, что есть и конструктивные предложения: “Необходимо максимально рационально все рассчитывать. Никто нам не будет помогать. Мы сами должны заняться разработкой системы мер по ликвидации последствий Чернобыля. Довести до конца вопрос с составлением карт загрязненности. Соблюдать меры по чистоте, гигиене. Сделать все для улучшения питания. А самое главное – немедленно найти соответствующие средства для выведения радиации из организма и сделать их достоянием всех, а не избранных. Всему этому нужно учиться у японцев, в том числе и их опыту послехиросимских и посленагасакских мероприятий. Необходимо пробудить творческий дух у людей. И тогда мы спасемся,

выйдем из этого кризиса во всем, не только в Чернобыльских делах” (П. С., научный работник).

Итак, просматриваются стратегические варианты: спасаться бегством, спасаться, оставаясь на месте, или же пассивно ждать помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абраменкова В. В.* Образ ядерной энергетики в детской картине мира // Вопросы психологии. – 1990. – № 5.
2. *Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А.* Образ в системе психической регуляции деятельности. – М., 1986.
3. *Иллеш А. В., Пральников А. Е.* Репортаж из Чернобыля. – М., 1987.
4. *Ковалевская Л.* Чернобыльский дневник. – К., 1990.
5. *Коваленко А., Рисованный Ю.* Чернобыль – каким его увидел мир. – К., 1989.
6. *Костюк Г. С.* Избранные психологические труды. – М., 1988. – С. 195-228.
7. *Медведев Г.* Чернобыльская тетрадь // Новый мир. – 1989. – №6.
8. *Моляко В. А.* Психология конструкторской деятельности. – М., 1983.
9. *Моляко В. А.* Психологические последствия Чернобыльской катастрофы // Психологический журнал. – 1992. – №1.
10. После Чернобыля. Круглый стол // Наш современник. – 1990. – №1.
11. *Скляр С.* Чернобыль глазами киевлянина // Дружба народов. – 1989. – №6.
12. Чернобыль. Дни испытаний. – К., 1988.
13. Чернобыль – катастрофа продолжается // Москва. – 1990. – №11.
14. *Щербак Ю.* Чернобыль // Юность. – 1987. – №6, №7.